

В. Дорошевич

Новые рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Дорошевич**
Новые рассказы / В. Дорошевич – М.: Книга по Требованию, 2014. – 334 с.

ISBN 978-5-458-09077-3

Новые рассказы.
2. Джентльмены
3. Маленькие люди
4. На дальнем востоке

1. Нашествие иноплеменников

ISBN 978-5-458-09077-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нашествіе ихоплемехниковъ.

(СТРАНИЧКА ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.)

Посвящается гг. „смѣлымъ предпринимателямъ“.

I.

Благодѣтели своего отечества.

Еще какихъ-нибудь 6—7 лѣтъ тому назадъ вы могли видѣть ежедневно, въ самомъ центрѣ Парижа, на площади Оперы, за столиками Café de la Paix, — словно насѣвшихъ мухъ, — цѣлыми стаями російскихъ предпріимчивыхъ людей, въ розницу торговавшихъ своимъ отечествомъ.

Первое, что васъ поражало въ нихъ, — это:

— Какъ они швыряются городами!

Только въ острогѣ, вечеромъ, послѣ повѣрки, когда камеры заперты, скучно, тоскливо и въ полутьмѣ начинаютъ разказы и воспоминанія,

вѣ разговорѣ у бродягѣ можно услыхатѣ о такомѣ непостоянствѣ.

Чтобѣ такѣ швырялисѣ мѣстностями.

— А! Иванѣ Ивановичѣ! Вы откуда?

— Два дня былѣ вѣ Лондонѣ. А вы?

— Сегодня вечеромѣ ѣду вѣ Брюсселѣ. Завтра утромѣ назадѣ. Послѣзавтра вѣ Лондонѣ, оттуда на два дня вѣ Петербургѣ, — и сюда.

— Вѣ прошломѣ мѣсяцѣ былѣ четыре раза вѣ Петербургѣ, шесть—вѣ Лондонѣ и восемь—вѣ Брюсселѣ.

— Думаю на минутку вѣ Берлинѣ проѣхатѣ!

Отѣ разговоровѣ ихѣ брала оторопѣ.

— Сегодня у меня рѣшительный разговорѣ со здѣшними капиталистами. Такѣ—такѣ, такѣ, а тянутѣ нечего. У меня группа бельгийцевѣ естѣ. Просятѣ. 16 милліоновѣ предлагаютѣ. А у васѣ?

— Моя, батенька, группа на мелкія дѣла не идетѣ. Англичане! Шесть милліоновѣ фунтовѣ. Меньше не идутѣ.

— Вамѣ, собственно, болѣшая группа нужна?

— Нѣтъ. Мнѣ немного. Такѣ, милліона на два.

— Ну-у! Это и пачкаться не стоитѣ! Затѣвать что-нибудь, такѣ милліоновѣ на двадцатѣ!

— У меня группа капиталистовѣ съ 28 милліонами.

— Моя группа миллионовъ на 50!

Мнѣ почему-то всегда вспоминалась при этихъ разговорахъ далекая юность.

Мы жили гдѣ-то на чердакѣ: я — прозаикъ, два поэта да еще одинъ молодой человекъ, не писавшій, но просто бѣжавшій отъ родителей.

Въ одной комнатѣ.

Все, что можно было заложить, — было заложено. Квитанціи на заложенные вещи — перезаложены: А квитанціи на перезаложеныя квитанціи — проганы.

Единственный предметъ роскоши, который оставался у насъ, — колода картъ:

Хотѣли и ее продать кухаркѣ.

Но въ колодѣ не хватило одной карты.

— Червенной десятки. Амурная постель! Какое жѣ удовольствіе и гадать безъ этой карты!

Кухарка не купила.

Съ утра кто-нибудь бралъ колоду.

— Ну, ставъ!

— Сколько тамъ за мной?

— Шестъ миллионовъ восемьсотъ сорокъ двѣ тысячи пятьсотъ тридцать семь рублей. Будемъ считать для равнаго счета семь. А то умноженъ!

— На не. Шестерка.

— Шестерка бита. За тобой четырнадцатъ милліоновъ.

— Валетъ. Уголъ.

— Битъ. 52 милліона.

— На пе.

Расплачиваясь послѣ милліонныхъ разговоровъ за выпитый кофе, они платили сами и наличными денѣгами.

Другіе говорили:

— Ну, сегодня вы за меня заплатите! Мѣнятъ не хочется.

Третьи конфиденціально подзѣвали гарсона:

— Запишите съ прежними. Сколъко тамъ?

— Съ сегодняшнимъ бюджетъ 27 франковъ, monsieur!

— Считайте тридцатъ.

— Merci, monsieur. Merci bien, mon prince!

Что прогавали изъ своего отечества эти люди «съ группами»?

Разное.

Концессию на постройку конно-желѣзной дороги, внезапно открытія въ Тульской губерніи золотыя россыпи, угольныя копи, желѣзную руду, подѣздныя пути съ правительственной гарантіей, великолѣпно оборудованныя заводы, обезпеченныя казенными заказами, необозримые лѣса.

Все.

Что только можно было прогнать въ отечествѣ своемъ.

Кому это принадлежало?

Только не имъ.

Всѣ эти земли, руды, лѣса, заводы принадлежали городамъ, крестьянскимъ обществамъ, другимъ частнымъ лицамъ.

Только не имъ.

Когда человѣкъ являлся прогнать что-нибудь группѣ иностранныхъ капиталистовъ, на вопросъ:

— Кому это принадлежитъ?

Можно было смѣло отвѣтить:

— Кому угодно, кромѣ одного человѣка. Кромѣ него.

Кого, кого только не было въ этой предприимчивой толпѣ, говорившей о милліонахъ и торговавшей своимъ отечествомъ?

Были люди съ звонкими именами, но были и съ такими, что по всѣмъ требованіямъ благопристойности гавнымъ-гавно слѣдовало бы хлопотать о перемѣнѣ фамиліи.

Были люди съ остатками знатности, но были и съ остатками хамства, и изъ одного хамства состоявшіе, хамы—sec.

Были такіе, которыхъ, несомнѣнно, въ ви-

дали раньше въ балетѣ, въ первыхъ рядахъ, горячо обсуждавшими въ антрактахъ.

— Трускина 3-я хорошо заноситъ. Но не тверда въ пируэтѣ!

Но были и такіе, глядя на которыхъ, вы долго думали:

— Гдѣ я это лицо видѣлъ?

Не то у Кюба за завтракомъ, не то на скамьѣ подсудимыхъ?

Лица неопредѣленныя. То, что называется:

— Корректныя.

И только.

Всѣ они имѣли одно общее.

Всѣ эти люди, продававшіе по частямъ свое отечество, были изъ Петербурга.

Впрочемъ, при взглядѣ на двоихъ, троихъ изъ нихъ, у меня, грѣшнымъ глѣзомъ, мелькнула мысль:

— Кажется, я ихъ на Сахалинѣ видѣлъ!

По наведеннымъ справкамъ, Впрочемъ, догадка оказалась преждевременной.

Еще не были.

Если бы кто-нибудь незамѣтно подошелъ къ такой компаніи людей, говорившихъ о вопросахъ «государственной важности», и врасплохъ крикнулъ бы:

— Прокуроръ!

Я увѣренъ, что девять десятыхъ этихъ гос-

погѣ моментально спрятались бы погѣ столѣ. Инстинктивно.

Черезъ минуту они, конечно, съ достоинствомъ бы вѣшли изъ-погѣ стола и сказали:

— Какъ глупо такъ шутить! Мы глумали — пожаръ!

II.

Г е р о й.

Одинъ изъ этой стаи славныхъ малыхъ преимущественно предъ всѣми привлекъ, приковалъ мое вниманіе.

Это былъ высокій, жигулястѣй малый, съ безпокойными глазами.

Глаза его постоянно бѣгали по всѣмъ предметамъ вокругъ, даже по стаканамъ, — ну, что стаканъ можетъ стоить? — и мягко, и съ теплотою останавливались на серебряныхъ ложкахъ.

Его глаза бѣгали по цѣпочкамъ, по булавкамъ, по пальцамъ рукъ у собесѣдниковъ, словно отыскивали перстни.

И когда въ при немъ вѣнимали не только золотой, но даже серебряный портсигаръ, вамъ становилось какъ-то неловко.

Вы видѣли, что онѣ устремленными глазами взвѣшивалъ вашѣ портсигарѣ, бралъ его, въ душѣ уже шелъ въ ссудную кассу, закладывалъ...

Такой это былъ предпримчивый человекъ!

Съ бумажникомъ, съ деньгами, даже съ самыми незначительными, съ нимъ было жутко разговаривать.

У него сверкали прямо какіе-то рентгеновскіе лучи изъ глазъ.

Вы чувствовали, что сквозь сукно, подкладку, кожу онѣ пересчитываетъ денги въ вашемъ бумажникѣ.

И вамъ становилось даже щекотно. Ну, прямо прогаешь у васъ въ лѣвомъ боку.

Не знаю, какъ другіе.

Но мнѣ, когда приближался этотъ господинъ, всегда казалось, что послѣдняя стофранковая бумажка свертывается у меня въ карманѣ, какъ береста на огнѣ.

Такъ предпримчивъ былъ его взглядъ.

Когда я увидалъ его въ первый разъ, — на меня вдругъ нахлынули воспоминанія.

Огромные, развѣсистые платаны Капуцинскаго бульвара вдругъ почему-то сбежились и превратились въ мелкія колючія ели.

Запахло верескомъ.

Тайга...

Шумъ экипажей, голосовъ смолкъ. Мертвая, мертвая тишина...

Только дятелъ гдѣ-то стучитъ.

Стукъ... стукъ...

Словно гробъ заколачиваютъ.

Отъ компаніи предпримчивыхъ людей съ «группами» вдругъ лязгнулъ стукъ кандаловъ.

(Они просто расчитывались съ гарсономъ и звякали франками).

И затерянная въ тайгѣ Онорская тюрьма.

У отворенныхъ дверей канцеляріи — скамья, на которой порютъ арестантовъ — «кобыла». Палачъ и глиняныя, какъ уочки, розги.

За столомъ въ канцеляріи смотритель и докторъ.

— Бродяга Иванъ Непомнящій!

Къ столу подходитъ вотъ этотъ самый молодой человекъ съ безпокойными глазами, полуразгнѣтый.

Глаза бѣгаютъ вокругъ, съ предмета на предметъ, и кажется, ужъ тащатъ со стола чернильницу.

— Подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше въскобродіе!

— Карповъ, потри.

Надзиратель Карповъ беретъ суконку и третъ Непомнящему спину.

— Пробоваль! — усмѣхается надзиратель.

Мы глядимъ.

На покраснѣвшей спинѣ вдоль, поперекъ, крестъ-накрестъ бѣлыя полоски, — слѣды «заганныхъ» розогъ.

— Бывалый. Иди, ложись!

Я зажмуриваю глаза. Противный, ужасный свистъ розги, разсѣвающей воздухъ.

— Позвольте васъ...

Молодой человекъ съ безпокойными глазами шелъ на меня съ моимъ знакомымъ.

Онъ улыбался мнѣ.

Узналъ?

Я готовъ былъ кинуться къ нему, схватить его за руку.

— Удалось? Обѣжали? Освободились изъ того ада? Поздравляю! Какъ я счастливъ видѣть васъ здѣсь, среди жизни! Вѣдь это воскресеніе! Настоящее воскресеніе изъ мертвыхъ!

Но мой знакомый успѣлъ отрекомендовать:

— Позвольте васъ познакомить. Г. Каталаж-кинъ, извѣстный предприниматель!

Какія, однако, бываютъ сходства!

А онъ стоялъ передо мной, улыбающійся!

Сквозь карманъ считалъ взглядомъ денги въ